

Продуктивное

Автор и ведущий программы
“Встреча с песней”
не любит слово
“ностальгия”

С Виктором Татарским я познакомился этим летом на “Славянском базаре” — он был одним из ведущих фестивальных программ. Как только Виктор Витальевич начал говорить, у меня возникло ощущение, что с этим человеком я знаком с детства. Причиной тому — голос Татарского, который я услышал по радио впервые более тридцати лет назад и который за эти годы въелся в подсознание. Взахлеб я слушал его “Встречу с песней”, “Запишите на ваши магнитофоны”, а в начале 80-х бегал в Театр эстрады и Концертный зал у Финляндского, где Татарский выступал с чтецкими программами. Бархатный тембр, проникновенные интонации, интеллигентная, неторопливая манера, умение в, казалось бы, эстрадной радиопрограмме дойти до самой сути — все это не просто профессиональные приемы самого Татарского. Это, если хотите, приметы времени для нескольких поколений радиослушателей. Настали другие времена. Все реже слушаем мы радио (простое, советское, не FM). Думаю, многие удивятся, что “Встреча с песней” как шла в эфире, так и идет — 36-й год подряд. К тому же Татарский теперь еще и телеведущий.

— “История одного шедевра” идет на ОРТ в течение семи лет. С какими трудностями сталкиваетесь вы в роли ведущего этой программы?

— Мне приходится запоминать большое количество текста. Там ведь нет строк ведущего, рассказываю все в калре по памяти, импровизируя по ходу.

— Вы принципиально отказываетесь от бегущей строки?

— Снимаем то в Русском музее, то в Третьяковке, то в Кремле, и там чисто технически нет возможности установить строчку-подсказку.

— Другими словами, вам приходится учить, зубрить текст?

— Ну уж... Во-первых, я его делал своим, авторизую, потому что сценаристы пишут очень сухо, излагают лишь факты, а мне нужно превратить все это в разговорную речь.

— Руководство телевидения довольно жестко ведет себя по отношению к подобным программам, если они не имеют хорошего рейтинга. Так, была выброшена из сетки вещания авторская программа Святослава Бэзы о классической музыке. А на вас не давят рейтинги?

— У программ, подобных “Истории шедевра”, на Западе примерно те же рейтинги, что и у нас, — три-четыре с половиной. Это считается абсолютно нормальным для некоммерческой программы, которую рекламой не напичкаешь.

— По материалам цикла “История одного шедевра” будут выпущены книги, видеокассеты?

— Книжки? Но я же не искусствовед, это не мое занятие. Видеокассеты выпускаются — продаются, например, в Третьяковской галерее.

— Насколько органично вы чувствуете себя на телевидении? Все-таки Татарский у миллионов людей ассоциируется прежде всего с радио... Конечно. Мне стопроцентное — это “Встреча с песней”, передача, которая выходит в эфир в течение тридцати шести лет.

— Тридцатипятилетие как-то отмечалось?

— Было около пятнадцати публикаций в центральных российских газетах и журналах. Так и отметились... А как еще? Я же не буду хороюды вокруг себя водить. Юбилей интересно отмечать, когда есть творческая группа, ансамбль, коллектив

театра. А у меня авторская передача, где автор сам и письма радиослушателей читает, и реагирует на них, составляет программу, ведет передачу, является режиссером. Мне помогает только звукорежиссер.

— В общем, родина не наградила героя радиозвезда по случаю славного юбилея “Встречи с песней”...

— 7 мая этого года в концертном зале “Россия” прошла церемония вручения первой национальной премии в области радио. В номинации “Легенда” большинством голосов “Золотой микрофон” получил и. В основном за “Встречу с песней”. Видимо, это самое важное, что я в жизни сделал. Пока что...

— Я знаю и уважаю двух легенд русскоязычного эфира — Севу Новгородцева и Виктора Татарского. Вы примерно одного возраста, оба — коренные ленинградцы, но в дальнейшем судьбы ваши разошлись.

— Новгородцев тоже получил “Золотой микрофон” от “Медиа-союза” — новой журналистской организации, хотя он номинировался и в номинации “Легенда”. Но сам признался: “Виктор, вы когда-то стали для меня радиотолчком!” Я в свое время вел передачу “Запишите на ваши магнитофоны”, а затем аналогичная программа появилась на Би-би-си у Новгородцева. В моем “Магнитофоне” звучали зарубежные хиты, эта программа каким-то чудом шла по “Маяку”, и ее периодически то закрывали, то открывали.

— Сева Новгородцев — человек компанейский, звездный, легко вписывающийся и в рок, и в поп-среду, стопроцентный шоумен. Он-то двадцатипятилетие своей программы на Би-би-си отметил шумно, в модном московском клубе.

— А я не тусовочный человек. Может быть, и на “Славянский базар” приезжаю, чтобы хоть раз в году побыть неделю среди музыкантов, журналистов. В Москве меня нигде не вытеснят, если сам не принимаю участия в происходящем.

— Вас всегда тянуло к киночеству? Как сказал Шарль Азнавур, успех не приходит без продуктивного одиночества. Он стопроцентно прав. Продуктивное одиночество было у меня и тогда, когда я сделал

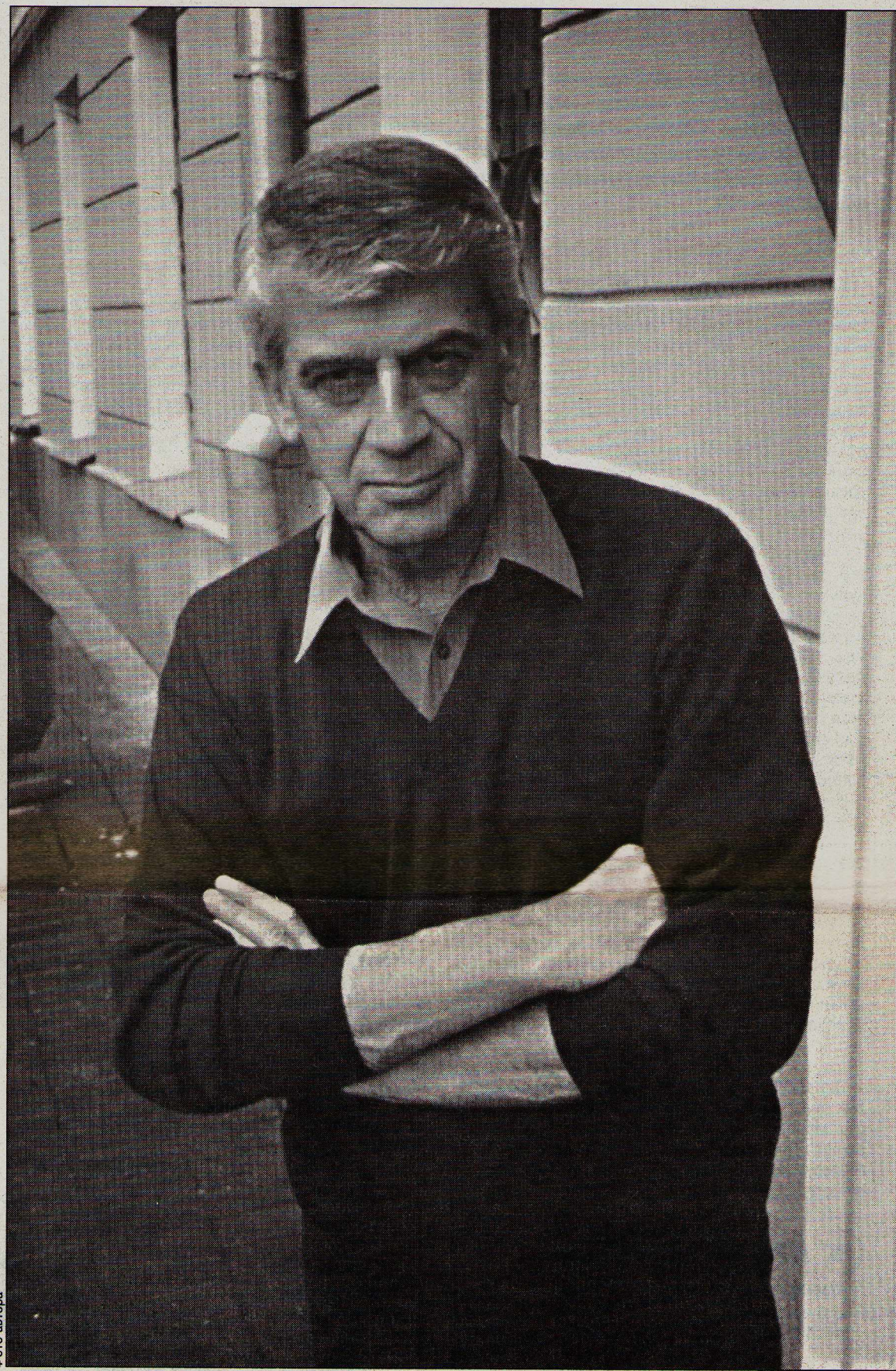

фото автора

пятнадцать актерских сольных чтецких программ, которые, кстати, читал и в Питере, несмотря на присутствие Григория Васильевича Романова в качестве первого секретаря Ленинградского обкома партии. Читал два вечера подряд в Театре эстрады “Мастера и Маргариту”, программу, запрещенную в Москве.

— На сцене вы тоже не только исполнитель, но и сценарист, режиссер? Мне как-то не случилось сотрудничать с режиссерами, сценаристами. Все сам. “Встреча с песней” на девятно процентов делается дома, в одиночестве. Нажимаешь на кнопки, звонишь, узнаешь, ищешь, спрашиваешь. К сожалению, вокруг меня остается все меньше и меньше людей, которых можно спросить об истории создания той или иной песни, об ее авторе. Вот и занимаешься этими поисками в состоянии продуктивного одиночества.

— А семья вам помогает или мешает?

— У меня вообще питерская семья. Я родился в Ленинграде в ноябре тридцати девятого года. Когда началась война, родители сочли за благо передать меня в детский дом. Потом они мне говорили, что если бы этого не случилось, то я бы просто умер: “Надежней было оставить тебя в доме малютки”. Реальность была такова, что дети в домах малюток получали больше, чем некоторые категории взрослых.

— После войны вас сразу же забрали домой? Не сразу, в сорок шестом году. Мой отец Виталий Борисович Татарский был заведующим кафедрой Ленинградского университета, доктором геолого-минералогических наук, профессором. И мать тоже — доктор наук.

— Где они пережили блокаду? Мама продолжала работать в Ленинграде. Отец куда-то уехал в связи с научной военной работой. Когда семья воссоединилась, то в сорок шестом году переехали в Москву.

— Вы могли бы написать интереснейшее воспоминание о времени, о передаче, о себе...

— Мне многие предлагали написать. Я считаю, что передача живая, у меня еще много идей, материала, и писать о том, что не завершено, мне неинтересно. Сама “Встреча с песней” и есть книга. Только звучащая. В ней судьбы человеческие, разных поколений, разных периодов, начиная с шестидесяти седьмого года и по сегодняшний день.

— Дом у вас имеется полочка, где собраны записи всех программ “Встреча с песней”?

— К сожалению, в звуковом варианте такого собрания сочинений у меня нет. Есть расшифровки программ, которые время от времени использую для работы. Но вообще в Гостелерадиофонде хранятся все передачи. Пока со знаком “Хранить 100 лет”. Но если последующие поколения будут прагматичны, то сохранят и дальше, потому что там есть записи, которых больше они нигде

Одиночество Виктора Татарского

и никогда не найдет. Я имею в виду даже не письма, а музыкальные записи.

— И все-таки я бы с удовольствием прочитал книгу по материалам вашей программы...

— Одно дело радиопередача, другое — книга. В радиопрограмме есть такие моменты, которые никакая книжка не передает. Это интонации, паузы, отношение ведущего...

— ...неповторимый тембр голоса Татарского.

— И это тоже. Много всего, что не перенести на бумагу. Кстати, прочитав книгу Новгородцева “Рок-посевы”, составленную из его радиопередач, я испытал чувство разочарования. Что-то явно пропало.

— Абсолютно другой жанр! Я к тому же человек вообще не пишущий, а разговаривающий. На сцене еще и художественно разговаривающий. Для меня всегда было уютно, неинтересно что-то писать.

— Такое ощущение, что в своих ТВ-программах, в роли ведущего на “Славянском базаре” или на каких-то презентациях Татарский намеренно не “включает” свой знаменитый бархатный, проникновенный тембр. Неужели это ваше ноу-хау только для радио?

— Совершенно верно. Больше того, это ноу-хау для “Встречи с песней”. К тому же когда я работаю на презентациях, фестивалях, то сталкиваюсь со случайными микрофонами и усилителями, веду разговор с большой аудиторией. На радио же разговариваю с одним человеком. Тихо, не форсируя звучания, посредством хорошей аппаратуры. На радио я придерживаюсь определенного голосового режима. Записываю программу в одиннадцать часов утра. Нельзя подходить к микрофону ни раньше, когда голос еще спит, ни позже, когда голос уже может устать. До этого в день записи не разговариваю ни с кем, не ем.

— А не едите-то почему?

— Нет ничего поплее сытого художника у микрофона. Тем более что я разговариваю с людьми, которые в этот момент могут быть, как бы это деликатно выразиться...

— ...Несъёмными!

— Вот именно!

— Ваш голос меняется с возрастом?

— Конечно, он не может остаться таким, каким был почти сорок лет назад. Это было бы неестественно. Но очень важен посыл, ощущение — кому адресуется программа. На современном же радио адрес часто утерян. Допустим, говорят: молодежная аудитория. Но что значит — молодежная? Она ведь тоже разная. И вы, и я знаем разных молодых людей. Одни на ходу хлещут пиво, другие по-прежнему ходят в библиотеки.

— Чтобы столь долго вести такую передачу, как ваша, нужно быть психологом, знатком человеческих душ...

— Мне проще: у меня в руках конверт, письмо человека, и я уже по почерку его вижу, чувствую.

— По почерку?

— Если вы в течение тридцати шести лет будете читать письма, то по почерку тоже начнете распознавать людей.

— Неужели в наш век высоких технологий и ужасающей работы традиционной почты кто-то еще пишет письма?

— Что же я, придумываю, что ли? Некоторые, правда, считали и до сих пор считают, будто Татарский сам придумывает письма.

— Неужто совсем не водится за вами такого грешка?

— Тогда мне нужно быть одновременно Толстым, Достоевским, Гоголем!

— Согласны ли вы с тем, что письма пишут в основном люди старшего поколения? Новое поколение выбирает мобильник, Интернет и прочее?

— Конечно, письма пишут люди пожилые, уходящего поколения. Но их вовсе не подавляющее большинство. Пишут и молодые тоже. Бываю письма от детей семи-восьми лет. Потом наступает какой-то возрастной период, когда они перестают писать, но затем проходит время, и они, лет с двадцати двух, снова прибегают к эпистолярному жанру. У меня совсем не ретро и не ностальгическая передача! Я очень не люблю слово “ностальгия” и никогда не культивирую его в своей передаче. Разговоры о том, что, ах, как вчера было хорошо и как стало нынче плохо, — бесполезные, бессмысленные, никуда не ведущие. Всяко было! В прошлые десятилетия — мы то знаем! — и такое происходило, что не дай бог вернется.

— Какое, давно не слышал вашей программы, не знаю, в какое время она теперь выходит.

— Во вторую, четвертую, пятую субботу в 21.10 по “Радио России”. В какой-то период в Питере на первой кнопке “Встречу с песней” было не услышать, но теперь передача вернулась. Для меня это чрезвычайно важно. Здесь моя ролина, и главное — народ особый, он нуждается в таком общении, какое происходит во “Встрече с песней”. Вообще-то говоря, питерцы — народ молчаливый, многое носят в себе. Это не юг, не Краснодарский край, где часто эмоции выплескиваются наружу. Питерцам особенно нужно с кем-то поделиться. Кстати, самые интересные письма приходят из Петербурга.

— Неужели за тридцать пять лет не было каких-то пауз во “Встрече с песней”?

— Я подчеркиваю: тридцать шесть лет передача идет без перерыва. Сначала на Всесоюзном радио, потом на “Радио Останкино”, на “Радио 1”, и лет пять назад мы вернулись на “Радио России”, чтобы быть доступными максимально широкому кругу слушателей.

— Виктор Витальевич, вы успешно совмещаете работу на радио и на телевидении. Не возникало мысли перенести “Встречу с песней” на ТВ?

— Я не могу назвать себя телевизионным человеком. То, что веду на ОРТ “Историю одного шедевра”, — это редкая счастливая случайность, мне выпала интересная, достойная тема. Что до “телевизиации” радиопередачи, то еще в советские времена два председателя Гостелерадио СССР предлагали мне перенести “Встречу” на ТВ. Я отказался и до сих пор отказываюсь, потому что у каждого моего слушателя должен возникнуть свой видеоряз. Нельзя ему навязывать какую-то одну, пусть даже самую красивую, правильную картинку. Отказываюсь еще и потому, что мне это неинтересно. На ТВ ты от очень многих людей зависишь. На радио же письма получал и начал работу над передачей. Все сам! На телевидении даже нормальный микрофон заменяет “прищипка”. Ну это же несерьезно! Телевидение, к сожалению, не заботится о звуке, там самое главное — картинка. А для меня — звук!

— В Витебске одна моя знакомая,

популярная ведущая популярного “ностальгического” питерского FM-канала, поразила меня тем, что, оказывается, она никогда даже не слышала такой фамилии — Виктор Татарский...

— Я к этому совершенно спокойно отношусь. Как писал Михаил Светлов, “значенья своего я не преувеличил, мне это не к лицу, мне не идет...”. Поэтому мне хватает тех примерно десяти миллионов слушателей в России, которые знают, кто такой Виктор Татарский, и со мной общаются. Не все же пишут письма. Масса людей просто слушают “Встречу”, но никогда не напишут.

— Интересно, а перенести “Встречу с песней” на какую-то из FM-станций никто не пытался?

— Нет, это не эфирный вариант. Не их формат. И не мой тоже. Моя передача идет пятьдесят минут. На какой FM-станции можно найти такое окно? А сокращать нельзя. Ведь и так была часовая передача, имела внутреннюю драматургию. Я вынужденно пошел сначала на пятьдесят пять минут, а теперь на пятьдесят. Меньше ее делать никак нельзя! Все рухнет. Это же не концерт по заявкам, у меня одно письмо может звучать пять минут, если стоит тогу. И песни может длиться шесть минут.

— А как же реклама?

— Рекламы внутри передачи нет. Реклама идет перед программой. Не после, а — перед. И это обязательное условие. Рекламой “после” можно разрушить настроение слушателя, который пятьдесят минут находился в совершенно особой атмосфере.

— Где вас слушают больше — в столицах или в провинции?

— Питер и Москва — это особый разговор. Огромная Россия — далеко не наши две столицы. Там все другое. Вот с этой бескрайней страной я и общаюсь в первую очередь. Хотя получаю письма и с Кузнецкого проспекта в Москве, от депутата Государственной думы, и — такое бывает.

— У программы, разумеется, есть адрес в Интернете, e-mail?

— Я слышал, что был Интернет-вариант, но есть ли сейчас, даже не знаю. Иногда я получаю письма в распечатанном виде, которые, видимо, присылают на факс, принтер, компьютер — как это называется?.. Я ничего этого не знаю, техническая сторона всегда нагоняла на меня тоску. Понимаете, в нашей стране людям не хватает определенного стабильного уклада. “Встреча с песней” — один из небольших островков стабильности. Попытки как-то видоизменить передачу закончатся очень плохо.

— По вашей программе наверняка написаны диссертации, дипломные работы. Вас приглашают преподавать на факультете журналистики?

— Есть несколько серьезных статей, например, академик Богомолов, который исследовал феномен “Встречи с песней”. Что же касается преподавания на факультете журналистики, то следую старой греческой мудрости: “Умеющий делает, неумеющий учит”. Готовить себе смену (об этом меня просят некоторые слушатели!) я не собираюсь. Боюсь, даже самый лучший “последователь” будет имитировать меня, а зачем это надо? Пусть новые ведущие придут в эфир со своей манерой, своими передачами.

— Случалось ли, что женщины влюблялись в ваш голос, начинали забрасывать письмами, преследовать?

— Мне не хотелось бы об этом говорить, потому что в таких проявлениях есть элемент болезненности, ущербности. Да, конечно, было — и в письмах, звонках, других проявлениях. Это довольно распространенное явление. Больше оно касается телеведущих, представителей шоу-культуры, театра. Поклонники рисуют себе какой-то образ и потом требуют от известных личностей полного соответствия своим фантазиям. Меня такая реакция слушателей никогда не согревала. Самое захватывающее для меня — содержательные письма, за которыми чувствуется жизнь человека, судьба, и они в каждой передаче есть.

— Имеется ли у вас запас писем или предпочитаете работать с самыми свежими?

— Передача неторопливая, она и готовится должна неторопливо. Поэтому люди порой слышат год письмо в эфире через полгода, год после того, как написали. Главное — конструкция самой передачи. Я же думаю не только о письмах, но и о музыке. Она должна быть разнообразной по настроению, по жанрам: как правило, в передаче один романс, одна советская песня и так далее. Я очень люблю классику, и об этой музыке слушатели много пишут. Дефицита в письмах, к счастью, нет.

— В летний период случаются повторы старых программ?

— Упаси боже! Я ведь не читаю в эфире роман Булгакова или стихи Пушкина, чтобы повторять их по просьбам слушателей. Повторы если и не обидят, то заденут чувства слушателей. Больше того, одна и та же песня не может звучать чаще, чем раз в два года. В передаче постоянно присутствует слово “сегодня”, программа календарная, учитывает памятные даты, дни рождения известных и неизвестных людей, духовных праздники. Ни о каких повторах ни в сюжетах, ни в музыке речи быть не может.

— Виктор Витальевич, вы человек далекий от новейших технологий. А современное радио слушаете?

— Понимаю природу вашего вопроса, и вы, наверное, ждете от меня резкой критики в адрес нового радио. Но мне так не хочется быть консерватором, ретроградом, раздранным человеком старшего поколения, каких сейчас предостаточно. Хочу сказать только одно. И понимаю, почему новые станции все на одно лицо, на один звук, все, как сейчас говорят, с одним прикидом. Почти нет людей, нормально разговаривающих (пускай быстро!) своим нормальным голосом. Недавно я был членом жюри международного радиоконкурса, услышал несколько сотен передач, присланных со всех концов России, из ближнего и дальнего зарубежья. Так вот, за редким исключением, ведущие пользуются одними и теми же приемами. Может быть, это происходит оттого, что у микрофона в основном журналисты, а по идее, нужно соединение журналистского и актерского мастерства. К тому же я не слышу искренности в FM-голосах ведущих. Почему со мной порой разговаривают невежливо? Даже московские крупные FM-станции часто так разговаривают в прямом эфире со слушателями на “ты”, а то и просто хамят. Я все время думаю: кто он, ведущий, почему он над слушателями, почему их не уважает? Почему насмехается, грубоваго иронизирует? Я привык к другому.

Знаю, что самое трудное — оставаться самим собой у микрофона. Без всяких примочек, прибамбасов.

— У вас ведь нет журналистского образования...

— Нет, хотя и член Союза журналистов с 1969 года. Журналистское образование мне дала “Встреча с песней”. Ну а театральное получал в Школе-студии Малого театра на курсе Игоря Ильинского и Михаила Царева. Есть у меня и режиссерское образование. Это соединение трех профессий дает возможность понимать жанр. Я не говорю, что каждый ведущий должен иметь три профессии, но какие-то основы, несомненно, должен знать.

— Учитываю ваше актерское прошлое, зовут ли вас сниматься в кино?

— Актерское прошлое — неправильно сказано. Актер — не профессия, а диагноз, это неизлечимо.

— Что касается кино, то предложения сниматься были, но я не езжу на пробы ни к кому. Единственный случай — поехал на пробы к Никите Сергеевичу Михалкову, с которым мы давно дружны. Когда он снимал “Обломова”, то требовался довольно большой закадровый текст, который в итоге читал очень хороший артист Анатолий Владимирович Ромашин. Никита мне звонил: “Старик, я тебе звоню из Парижа!” — “Никита, какая разница, откуда ты звонишь?” — “Тебя там позвонит на пробы!” — “Никита, я не езжу на пробы!” — “Ко мне поехали!” Я действительно поехал, потому что мне очень нравится роман “Обломов”, нравится фильм “Неоконченная пьеса для механического пианино”. В итоге Михалков меня не утвердил и опять позвонил: “Старик, я тебе звоню из Парижа, с твоей фонограммой работает Ромашин. Понимаешь, у тебя слишком узнаваемый голос!” Я лишь сказал: “Ну что ж ты раньше не знал, какой у меня голос?”

— Я все-таки не понял, почему вы не ездите на пробы?

— Мне неинтересен кинематограф. Я в свое время прочитал закадровый текст (это был не дубляж, а ситуация, когда один ведущий за кадром говорит за всех исполнителей!) в трех гениальных фильмах — “Амаркорд”, “8 1/2” Феллини и “Кабаре” Боба Фосса. Горжусь этой работой! Там в паузах между репликами актеров я как бы подсказывал, что говорят персонажи. Это делалось на студии Горького, и потом картины шли в прокате. При озвучивании “Амаркорда” я рассматривал помногу раз каждый кадр, вслушивался в текст, в интонации и чем дальше, тем больше хохотал. До такой степени все было здорово, гениально.

— А театральные подмостки вас уже не могут увлечь?

— Театр одного актера у меня был и есть. Я — акколлективное существо. После театрального вуза поехал поработать в Астрахани, в Государственном драматическом театре имени Кирова. Мы там с будущим оscarоносцем Володей Меньшовым бегали в масках. Я посмотрел, что такое театр, особенно периферийный: это зависимость от главного режиссера, от просто режиссера, от жен того и другого, от товарищей по цеху, ну других, заслуженных и прочих. “Пропали они пропадом!” — сказал я себе. Есть люди коллективные, они не могут без партнеров. А я как степной волк... Хотя, конечно, я не волк. Бываю резок, но в принципе я добрый человек.

— Михаил Садчиков